

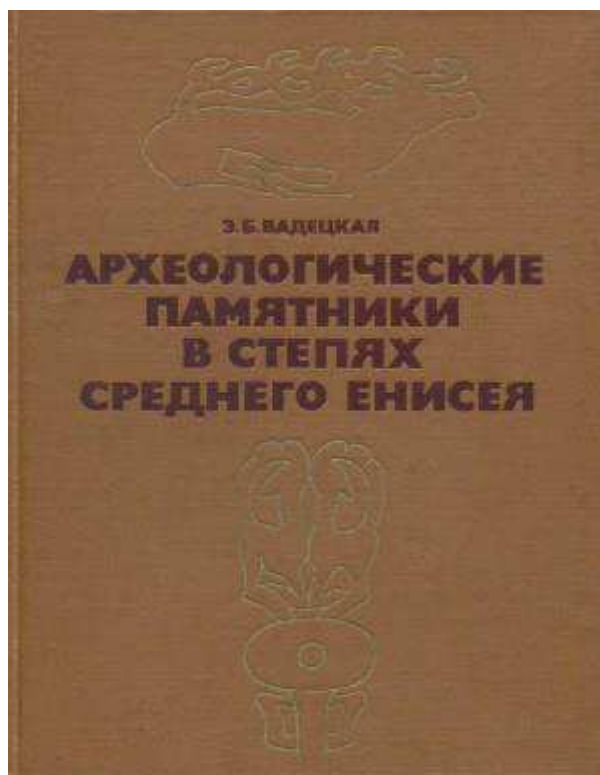
Э.Б. Вадецкая
Археологические памятники в степях
Среднего Енисея.
// Л.: 1986. 180 с.

Глава IV. Андроновская культура.

Минусинская котловина составляет самую восточную окраину расселения андроновских племён, при этом не вся котловина, а лишь северная её половина. Андроновских памятников на Енисее меньше, чем на других территориях, но поскольку они здесь стали известны раньше, чем в других местах, культура носит название по местной сибирской деревне, и её восточное происхождение в течение долгого времени не исключалось.

История изучения. В 1913 г. директор Красноярского музея А.П. Ермолаев раскопал несколько могил на лев. берегу Енисея у с. Батени, в местности Ярки. В 1914 г. на лев. берегу р. Серез, у д. Андропова при строительстве железнодорожного моста был разрушен могильник, в котором А.П. Ермолаеву удалось раскопать 3 ограды и собрать вещи ещё из двух. В 1916 г. в Красноярский музей поступили сосуды, собранные С.М. Сергеевым и И.А. Пикулевым из разрушавшегося могильника у с. Новосёлово на лев. берегу Енисея. Спустя несколько лет могильники на Енисее были указаны С.А. Теплоухову, и он в свою очередь на них раскопал несколько могил. Сопоставив материалы, главным образом керамику, С.А. Теплоухов выделил новую культуру, следующую по древности, как представлялось, за афанасьевской, и назвал её андроновской (так как в могильнике у д. Андропова были более выразительные вещи, чем на Енисее). С.А. Теплоухов дал первую характеристику выделенным памятникам, объединив их в один культурный пласт с малоизвестными и неопределимыми, обнаруженными далеко к западу от Енисея. Поскольку среди раскопанных им могил у с. Новосёлово и в местности Ярки оказались могилы не только андроновские, но и окуневские, керамика из последних была принята за особый вариант андроновской (305, с. 81-84). Но так как 2 окуневских сосуда были найдены в афанасьевском могильнике (под горой Афанасьева), сложилось впечатление о преемственности двух культур, что нашло отражение в работах последующих исследователей. Вслед за С.А. Теплоуховым в 1925-1928 гг. крупные раскопки возле улуса Орак произвёл Г.П. Сосновский. Он исследовал 47 могил, окружённых оградами. Конструкции могил оказались разнообразнее, а вещи богаче, чем раньше. После смерти Г.П. Сосновского материалы раскопок были опубликованы М.Н. Комаровой (141). В 1930-1931 гг. около 10 оград, содержащих 13 могил, были раскопаны С.В. Киселёвым и В.П. Левашевой. Позже все сведения о культуре были обобщены в специальном разделе его монографии (132, с. 41-52). Важное значение для исследования культуры имели антропологические определения Г.Ф. Дебеца, установившего, что население было европеоидным и принадлежало к специфическому, так называемому андроновскому, подтипу (98, с. 70).

Значительно более крупные работы осуществлены в 60-е годы. На севере котловины они производились Н.Л. Членовой, на р. Белый Июс — Н.В. Нащёкиным, а в разных местах долины Енисея — М.П. Грязновым и Г.А. Максименковым. К настоящему времени большинство памятников опубликованы Г.А. Максименковым. В сводной части монографии (202) он дал подробную характеристику керамики и украшений, в меньшей степени осветил особенности погребального обряда, рассмотрел вопросы датировки и соотношения андроновской культуры с другими в Минусинской котловине, которые из-за

появившихся новых дат андроновских памятников Западной Сибири требуют корректировки. В сводную публикацию Г.А. Максименкова не вошли могильники Ужур, Солёноозёрная III-IV, а также все раскопки, производящиеся с 1975 г.

В целом работы произведены в 36 пунктах, на 6 поселениях и 30 могильниках. Ограды могил чаще разрушены, поэтому их раскопанное количество (174) не отражает всего объёма работ. В общей сложности раскопано около 370 могил, включая детские. Почти полностью раскопаны могильники Орак I, Новая Чёрная II и более чем наполовину Сухое Озеро I. Памятники найдены в Назаровской, Чулымо-Енисейской и Сыда-Ербинской котловинах и практически полностью не известны в собственно Минусинской котловине. Вначале это относили за

Рис. 5. Андроновский могильник Ланин Лог, к. 1.
Раскопки С. А. Рахимова (1964 г.).

счёт малой изученности южных районов (202, с. 6), но и теперь, когда в этих местах ведутся интенсивные работы, андроновских курганов по-прежнему не обнаружено. Более того, черепков андроновских сосудов, так же как и иных изделий, нет и среди огромных коллекций подъёмного материала или случайных находок. Трудно определить, что помешало продвижению андроновцев в южные районы. Окуневское оборонительное сооружение, построенное на вершине горы Шишка, севернее г. Минусинска, наводит на размышление, что андроновцам было далеко не просто завоевать окуневцев. Между восточной границей расселения андроновцев (правобережье р. Туба) и шишкинской «крепостью» расстояние приблизительно 20 км. Возможно, и в других пограничных местах со временем будут обнаружены окуневские оборонительные сооружения. Многие исследователи предполагают индоиранскую языковую принадлежность андроновцев. В этом плане нельзя оставить без внимания то обстоятельство, что ареал иранских гидронимов совпадает с выявленной территорией расселения андроновцев на Енисее и обрисовывает их передвижение в котловину с севера в обход Кузнецкого Алатау (323). Всё вместе позволяет считать, что отсутствие андроновских памятников в южных районах не случайно.

Погребальные сооружения.

Могильники расположены около озёр или по берегам крупных рек, поэтому часто

обнаружены под дюнами. Как правило, рядом с ними не бывает более ранних, афанасьевских или окуневских, но те же места, как бы продолжая старое кладбище, использовало в дальнейшем карасукское население. В северных лесостепных районах, где было меньше участков, пригодных для кладбищ, андроновские могильники иногда перекрыты тагарскими. Могильники состоят из десятка или нескольких десятков (до 50) оград. Однако эти подсчёты предварительные, так как много могил скрыто под дюнами; кроме того, их до раскопок трудно отличить от карасукских. По наблюдениям Г.А. Максименкова, андроновцы сначала сооружали ограду, а потом внутри неё выкапывали яму для могилы. Ограды располагались на значительном расстоянии друг от друга. Плиты для них чаще вкапывали, реже клали в виде кольца (рис. 5). Диаметры оград 5-10 м, первоначальная высота до 1 м. Ограды вокруг детских могил значительно меньше. На всех больших могильниках кроме обычных оград бывают одна или несколько, тип которых характерен для последующей карасукской эпохи. Это ограда с пристройкой, несколько пристроенных друг к другу оградок, четырёхугольные ограды. В некоторых случаях ограды отсутствуют, так как, возможно, были сооружены из дёрна или дерева. Очень редко встречаются ограды индивидуальных форм и конструкций: в виде многоугольника, прямоугольника, одна внутри другой либо укреплённые изнутри дополнительной кладкой (202, с. 55). Для могилы выкапывали просторную и глубокую яму, 150×100 до 300×200 см, глуб. до 3 м. В ней сооружали каменный ящик выс. до 1 м. Ящики — трёх видов. Для самых характерных, так называемых

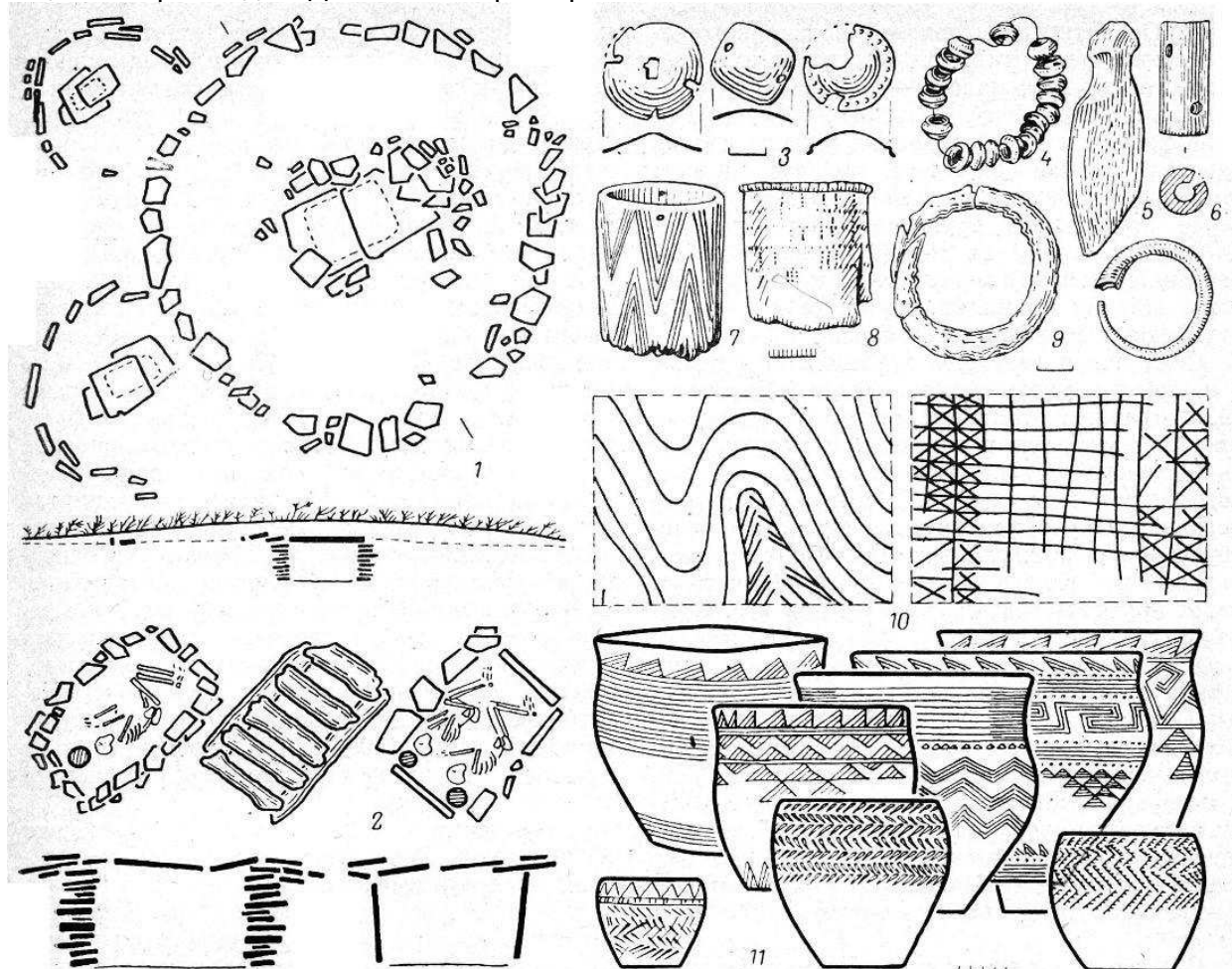

Табл. IV. Андроновская культура.

1 — план ограды; 2 — виды могил; 3, 4, 9 — украшения; 5, 6 — подвески; 7 — деревянная бадейка; 8 — берестяной туесок; 10 — разрисованные стенки ящиков; 11 — керамика.

цист, складывали стенки из ровных плиток песчаника, они шире внизу и сужаются кверху. Другие ящики (простые) сооружали из плит, поставленных вертикально. Третьи имели одну-две стенки из вертикальных плит, как у простых ящиков, а остальные — как у цист.

Их называют комбинированными ящиками либо ящиками-цистами. В двух ящиках (Сухое Озеро I) внутренние стенки раскрашены геометрическими узорами: квадратами, крестами, кружками, волнистыми линиями. Возможно, они имитируют циновки, в некоторых случаях прибывавшие к стенам ящиков (табл. IV, 10). Ящики закрывали одной или несколькими хорошо подогнанными плитами, чтобы сквозь них не просачивалась земля. Лишь несколько ящиков закрыты плахами (Орак I). В местах, богатых лесом, на дно ям вместо ящиков клали сруб в 1 венец, без крепления. Сруб закрывали плахами, иногда поверх них — берёстой. В зимнее время хоронили редко. К зимним погребениям принято относить цисты, сложенные почти на поверхности. Они немногочисленны. Детей хоронили в небольших ямках и простых ящиках глуб. до 1 м. Детские могилки покрывали плитками. После погребения внутри ограды складывали холм из дёрна. В больших оградах между холмом и стенкой ограды оставляли дорожку.

Погребальный обряд.

Похороны совершали в любое время года, но зимой, как уже говорилось, реже. Детей, когда они умирали не вместе со взрослыми, хоронили на особом участке между оградами взрослых либо на отдельном кладбище. Хоронили по одному покойнику, значительно реже взрослого с ребёнком, двух детей или разнополую пару. Покойника укладывали на подстилку на левом боку, в сильно скорченной позе, с согнутыми в коленях ногами и сложенными перед лицом ру-

(43/44)

нами. Ориентировали головой в западном направлении, чаще на ЮЗ. Для детей это правило иногда нарушалось — встречено положение на правом боку, головой на В или СВ. Если хоронили двух людей, их укладывали на одном и том же боку, т.е. так, что один из мертвецов лежал за спиной у другого. Очень редко встречаются трупосождения — приблизительно 1 случай на 15-30 взрослых погребённых. Поскольку могилы, в которых похоронены остатки кремации, ничем от других не отличаются, причина её не ясна.

Судя по инвентарю, хоронили в одежде, с немногими украшениями. Около головы ставили один-два глиняных сосуда с пищей, а иногда берестяную и деревянную посуду. Глиняная посуда, специально изготовленная для погребения, лощённая и богато орнаментированная. Оружия никогда не клали, а орудия труда — в редких случаях. В могилы детям и подросткам иногда клали кучки астрагалов овцы, предназначенные, видимо, для игр. Обычая класть мясную пищу мёртвому не было, её остатки встречаются как исключение, но они весьма разнообразны: кости коровы, лошади, козы, овцы, косули. О погребальных пиршествах свидетельствуют кости животных, найденные в насыпях курганов или около оград. Так, в могильнике Лебяжье I около двух оград были аккуратно сложены 3 кучки костей, состоящие из черепов и нижних челюстей не менее 7 кобыл и жеребят. Видимо, это были остатки тризны, а может быть, снятых с головами шкур.

Оружие и орудия труда. В погребальных комплексах оружия нет, исключая 2 каменных и 2 костяных наконечника стрел, застрявших в теле человека. Орудия труда представлены 3 костяными игольниками, обломком бронзового шила и 7 иглами. Последние — из ковanej проволоки, один конец которой заострён, а другой раскован, загнут вниз и приварен к игле, образуя ушко (202, с. 71).

Посуда. Глиняная посуда двух категорий — хозяйственная и парадная. На поселениях больше хозяйственной посуды, а в могилах — парадной. Основные различия между типами чётко указаны М.П. Грязновым. Хозяйственная посуда представлена простыми сосудами в виде цветочного горшка с прямыми или слегка выпуклыми стенками. Они украшены по всей поверхности либо в верхней части зигзагами, «ёлочкой», рядом заштрихованных треугольников или другим несложным орнаментом. Парадная посуда — нарядные горшки с изящным профилем, с красиво моделированными шейками и плечиками, с выпуклым туловом и подчёркнутым дном. Они лощёные, их поверхность покрыта, как кружевами, сложным геометрическим узором (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, кп 2531, л. 69). Детальный анализ ведущих типов посуды сделан Г.А. Максименковым, выделившим еще третью категорию сосудов, сочетавших в себе черты хозяйственной и парадной

посуды. Некоторые из них, по его мнению, не являются переходными типами, а отражают неустойчивое сочетание разных черт в одном сосуде. Г.А. Максименков выделил 44 элемента орнамента на сосудах. Использование их в разных комбинациях со штампами (гладким, мелкозубчатым, крупнозубчатым, пунктирным, различных конфигураций) создаёт многообразие рисунков (202, с. 63-70) (табл. IV, 11). От посуды, изготовленной из берёсты и дерева, сохранились туески, бадейка, ложка, фрагменты блюд и чаш. На хорошо сохранившемся берестяном туеске краской нарисованы квадраты, подобные тем, что нанесены на плитах погребального ящика. Верхний край туеска обшит нитками через край. Деревянная бадейка покрыта резными косыми треугольниками. Сверху просверлены две сквозные дырочки, через которые она к чему-то подвешивалась (табл. IV, 7, 8). Деревянная ложка вырезана, видимо, из отщепы тальника; ручка перпендикулярна к черпаку, сделанному из развёрнутой комлевой части (305, с. 80). Блюда, судя по остаткам, были четырёхугольной формы со скруглёнными углами.

Украшения и части одежды. Как следует из типа украшений, женщины и девочки одевали на проушные раковины серьги, а для волос использовали височные кольца. Серьги и кольца настолько похожи, что часто их трудно различить. Они изготовлены из проволоочных колец — либо в один-полтора оборота, либо с несходящимися концами, реже — из свёрнутой пластинки, намотанной на органическую основу. Серьги медные, несколько серебряных и золотая. Особый вид составляют редкие серьги с раструбом, иногда обложенные листовым золотом (табл. IV, 9). Одна из них имела гравированный орнамент в виде заштрихованных треугольников (202, с. 72). Дети носили серьги в виде колечек, у женщин и подростков они были разнообразными. Можно предполагать, что молодые женщины и подростки носили по одной серьге в ухе, а взрослые женщины — по две (202, с. 72). Распространённым украшением были низки бус, которыми стягивали обувь (табл. IV, 4). Бусины сделаны из бронзовой проволоки или пластинки. Последние имеют биконическую форму. Они нанизывались на плетёные ремешки и шнуры. Их чаще использовали женщины, но изредка и мужчины. Нагрудные украшения единичные и разнообразные: тонкие бронзовые круглые и четырёхугольные бляшки с двумя отверстиями по краям или выдавленными по окружности мелкими точками; литые бляхи — выпуклая и с петелькой на обороте; костяная и бронзовая пуговицы, костяная бляшка с медными гвоздиками в отверстиях. Встречены 2 подвески, каменная и костяная, в виде трубочки с дырочками (табл. IV, 3, 5, 6). Кольцо на палец и браслет со скрученными в спираль концами найдены лишь по одному разу (Солёноозёрная I, Лебяжье I).

Представление о самой одежде дают остатки вязаных и кожаных шапочек, плетёной тесьмы, кожаной и меховой обуви, сумочки. На голове мужчины и женщины носили кожаные шапки и вязаные шерстяные — конической формы, с наушниками. Они сшивались из лент шириной до 4 см. Ленты вязали крючком из толстой кручёной шерстяной нитки способом тамбурного вязания или «в рубчик» полустанком; «рубчики» образовывали ёлочный узор. Наушник сплетён так же; концы нитей связаны снизу пучком. Нижняя одежда была шерстяной и, видимо, имела разрез в верхней части (застёгивалась на одну пуговицу с левой стороны). Ткань для одежды делалась способом простого плетения при помощи челноков. Нитка не кручёная, выпрядена из шерсти тонкорунной или из пуха грубошёрстной овцы. Пряжа окрашена краппом и первоначально имела ярко-красный цвет или красный с фиолетовым оттенком. Крапп добывался из корней марены *Rubia tinctorum* (305, с. 80; 286; 132, с. 48). Из кожи делали обувь и сумочки. Сумочка (Каменка II) была украшена бусинами. В могильнике (Орак I) сохранился кусочек меха от обуви.

Оригинальное наблюдение сделал об одежде андроновцев М.П. Грязнов. Суть его в следующем. Некоторые особенности орнамента андроновских сосудов — двутональность рисунка (рисунок образован чередованием заштрихованных и гладких фигур), перемена места рисунка и фона (рисунок заштрихован, а фон гладкий, либо наоборот), тождество конфигурации рисунка и фона (если фигуру рисунка вырезать и наложить её на фон, то они совпадают), своеобразная мозаичность рисунка (орнамент как бы сложен из различных треугольников, ромбов и других фигур) — не могли

возникнуть и развиваться в керамике. Они могли зародиться и получить развитие лишь в аппликациях, шитых из разноцветной кожи, меха, войлока или в технике плетения, а затем перенесены на сосуды в виде орнамента. Отсюда М.П. Грязнов сделал вывод, что у андроновцев были распространены узорно расшитые одежды, разная мягкая домашняя утварь, плетёные изделия, орнаментацию которых можно представить по узорам на керамике. Вероятно, богато украшенные горшки передают в орнаменте схему наряда человека, и по зонам орнамента можно представить украшение одежды на воротнике, плечах, груди, спине, подоле и обшлагах рукавов (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, кп 2531, л. 70).

Хозяйство. Некоторые сведения о хозяйстве дают поселения. На трёх из них произведены раскопки, с трёх других собран подъёмный материал. Несмотря на общую малочисленность, остеологический материал свидетельствует о достаточно высоком уровне скотоводческого хозяйства. Найдены кости животных: коровы, лошади, овцы, реже козы и косули, на одном поселении — гуся и рыбы. Тот же состав костей животных встречен в могилах и среди остатков погребальных тризн. Видимо, лошадь предназначалась для мяса, а тягловым животным не была. В стаде преобладали быки, коровы, лошади, для разведения которых были наиболее удобны лесостепные и степные — с сочными травами — районы. Именно в таких местах известны андроновские могилы. Обращает внимание отсутствие различных видов охоты, исключая охоту на косулю. Сведений о земледелии нет. Жилищ не обнаружено, кроме невыразительного и очень большого наземного сооружения в местности Ключи, на вершине холма. Возможно, это было не жилище, а оборонительное сооружение, предназначенное для защиты людей и скота.

Социальные отношения. Малочисленность костяков не позволяет произвести даже такие наблюдения, которые сделаны по более ранним культурам. Значительно преобладают детские могилы, следовательно, детская смертность по-прежнему оставалась наиболее высокой. По-видимому, можно говорить о процессе укрепления семьи как социальной единицы, что отражено в появлении обычая пристраивать к оградкам новые, вероятно, для умерших той же семьи. Выразительным свидетельством дальнейшего процесса дифференциации общества и увеличения роли представителей общественной знати являются 2 кургана на могильнике Сухое Озеро I. Их ограды имели диаметры 30-33 м, при принятых стандартах до 10 м. Для сооружения монументальной насыпи (выс. до 2 м, объёмом 2000 м³ земли) вместе с оградой требовалось, по подсчётам М.П. Грязнова, затратить несколько тысяч человеко-дней (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, кп 2531, л. 71). Внутри ограды, на поверхности был сооружён, видимо зимой, обширный ящик, 260×180×200 см. Он разграблен, но все же удалось установить, что построен он для одного человека, которому в виде исключения положили много мясной пищи: верхнюю половину туши овцы, куски говядины, косули, утки. Внутри второй ограды сложена циста, 150×150×125 см, из 18-20 рядов плит. Она углублена в материк на 50 см, так что основная её часть тоже возведена выше почвы. Циста покрыта массивными плитами. В ней — остатки двух взрослых людей. Внутри ограды — остатки человеческого жертвоприношения: в 1 м от цисты находилось наземное куполообразное каменное сооружение диаметром 120 см, в котором в треугольнике из вкопанных плиток, стоял на основании ... череп человека (202, с. 18).

В андроновское время мужчина стал занимать первое место как в обществе, так и в семье. По мнению М.П. Грязнова, это отражено в обычае при погребении мужчины хоронить с ним и его жену, специально для этого умерщвленную (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, кп 2531, л. 71-73). Однако на минусинском материале этот процесс слабо прослеживается. Парных разнополых погребений не более 10, т.е. меньше, чем у окуневцев. Даже в самом крупном могильнике (Орак I), где двойные погребения наиболее часты, только в трёх могилах похоронены мужчина и женщина. Принято также считать, что женщину на Енисее всегда клали за спиной мужчины, однако твёрдо это установлено лишь в четырёх могилах. Но и это могло быть случайностью, поскольку известны погребения, где за спиной женщины лежали ребёнок, подросток или заранее оставлено место для другого взрослого человека. Последнее скорее означает равенство, а не умерщвление женщины

(Орак I, м. 1).

Происхождение. Прошло время, когда истоки андроновской культуры искали на Енисее. Теперь никто не сомневается, что андроновцы пришли в Минусинскую котловину со своей сложившейся культурой, и тем самым отпадает необходимость доказывать отсутствие генетической связи между андроновцами (Фёдоровцами), афанасьевцами и окуневцами, тем более что это уже освещено в литературе (202, с. 81-86). Сложнее определить характер взаимоотношений андроновцев и окуневцев — этим ещё никто не занимался. Отсутствие андроновских памятников южнее г. Абакана (и в г. Абакане) позволяет, как говорилось, считать, что окуневцы были потеснены к югу, но не выселены с территории котловины. Доказательством сосуществования этих культур служит андроновская керамика, имевшая элементы окуневской. Это прежде всего сосуды с орнаментированным дном, с наlepным валиком, с четырёхугольным устьем (202, табл. 42, 13; табл. 45, 9, 14-16 и т.д.). В орнаменте андроновских и окуневских сосудов много общих мотивов: горизонтальные бороздки, ямки, зигзаг, заштрихованные треугольники и т.д. (см. табл. X). Особенно похожи на окуневские баночные андроновские сосуды, не случайно первоначально отнесённые исследователями к раннему этапу андроновской культуры. В тех местах, где известны как те, так и другие могильники, контакты между андроновцами и окуневцами прослеживаются по двум дополнительным линиям: андроновцы используют окуневские стелы, и на их могильниках иногда, видимо, похоронены окуневцы. Стелы закрывают 3 андроновские могилы, расположенные в западной, центральной и восточной сторонах котловины (Солёноозёрная I, Сухое Озеро I, Устье Бири). На стелах высечены окуневские личины, предназначенные для одинарного использования при совершении того или иного обряда. Стелы были, видимо, взяты андроновцами с ещё действующих разграбленных окуневских капищ. На одном из указанных могильников обнаружено одновременное захоронение двух взрослых: труп женщины и кремированные останки второго покойника. Женщина отличается своим антропологическим типом: монголоидного, видимо окуневского, облика (Устье Бири). В двух других случаях инокультурные погребения отличаются обрядом, похожим на окуневский, но не андроновский. Так, в одной цисте были погребены двое мужчин в вытянутом положении на спине с согнутыми в коленях ногами (Орак I, м. 6), а в другом ящике — человек без головы в вытянутом положении на спине (Новая Чёрная I, м. 11). Обе могилы не содержали инвентаря. Нет сомнения в том, что если бы не бедность андроновских могил вещами, связи между разнокультурными племенами прослеживались бы отчётливее.

Хронология. Собственных дат енисейский вариант культуры, можно считать, не имеет, поскольку даты, полученные радиоуглеродным методом, в силу пока не объяснимых причин расходятся между собой в тысячу лет. Случаи перекрёстного расположения андроновских могил или поселений с инокультурными памятниками обнаружены только в самом северном районе, в Назаровской котловине, где андроновские могильники и поселения расположены под тагарскими. В основном районе расселения андроновцев для относительной датировки могут быть использованы два наблюдения. Для нижней даты — то обстоятельство, что 3 андроновские могилы покрыты окуневскими изваяниями. Для верхней — планография андроновско-карасукских могильников. Как уже говорилось, карасукские курганы продолжают андроновское кладбище. Значит, андроновский культурный пласт можно здесь определить между окуневским и карасукским, причём нижняя граница уходит в окуневское время. Что касается окраин Минусинской котловины, северной и южной, то вопрос остаётся открытым, и не исключено, что на севере андроновская культура существовала дольше, чем в центральных районах, а на юге окуневская культура сменилась карасукской. Абсолютная нижняя дата енисейского варианта андроновской культуры определяется двояко: по наличию в ней позднефёдоровских элементов и по времени появления культуры в Западной Сибири. На основании выявленных в минусинских комплексах позднефёдоровских элементов, относимых в более западных районах к XIV-XIII вв. до н.э., и по найденной в одной из могил подвеске (Ланин Лог, к. 2, м. 2), напоминающей миниатюрный вислообушный топор XIV-XII вв. до н.э., дата культуры определяется XIV-XII вв. до н.э. (2, с. 27). Но она может

быть уточнена, так как появление андроновских племён в Западной Сибири всеми специалистами, изучавшими западно-сибирские андроновские памятники, датируется не раньше XIII в. до н.э. (224, с. 18). Следовательно, эта дата появления андроновцев на Енисее (через Западную Сибирь и Алтай) является наиболее приемлемой. Верхняя хронологическая граница культуры определяется периодом сложения карасукской. Забегая вперёд, укажем, что эта дата не может быть старше XI-X вв. до н.э. Есть некоторые основания предполагать, отмечал С.А. Теплоухов, что андроновская культура в Минусинском крае существовала не долго (306). Предполагаемая датировка культуры (XIII-XI вв. до н.э.) и сравнительная малочисленность андроновских памятников подтверждают это мнение.

[Список памятников.]

Назаровская котловина.

1. Ашпыл I. Могильник на прав. берегу р. Кадат у оз. Ашпыл. 13 могил, из них 7 детских (Гультов, 1979-1981 гг.). Могилы — ямы со срубам и 2 ящика. В 2 ямах остатки трупосожжения, в 1 — череп человека, в остальных по 1-3 скелета, на лев. и прав. боку. [1] Инвентарь: 9 сосудов, костяной игольник с бронзовой иглой, серьга с раструбом, обложенная золотом, кольцо, бусины. — ЛОИА (92; 94).
2. Кадат IX. Могильник под тагарским могильником и культовым памятником в 2 км к С от д. Кадат на берегу водохранилища. 5 ям, покрытых брёвнами (Бобров, 1980-1981 гг.). В 4 ямах остатки трупосожжения, в 1 — скелет. Инвентарь: около 10 сосудов. — КГУ (28; 29).
3. Инголь*. 2 могилы на зап. берегу оз. Инголь. Ямы, дл. 1.5-1.8 м, глуб. 1 м (Бобров, 1980 г.). В них по скелету, на лев. боку, В. Инвентарь: сосуд, каменный наконечник стрелы, кольцо. — КГУ (29).
4. Обьюл. Поселение на прав. берегу р. Обьюл, у д. Ивановка. Площ. раскопа 705 м² (Членова, 1957 г.). Культурный слой содержал остатки очагов в виде обожжённых пятен глины и золы (глуб. 110 см), фрагменты сосудов, кости овцы, коровы, лошади, хозяйственную яму с черепками и костями животных. — ГИМ (ИА, р-1, д. 2197).
5. Андропова. Могильник на прав. берегу р. Серез, в 4 км от д. Андропова. Раскопано 3 ограды, 4 могилы, а из 2 других оград собраны вещи (Тугаринов, 1914 г.). Ограды, диам. 10-12 м. Могилы — ямы со срубам и ящик, глуб. до 250-300 см. В них по скелету. Инвентарь: 5 сосудов, обломок деревянной ложки, фрагмент вязаной шапки, остатки шерстяной ткани, бронзовая бляшка, пластинка, мастиковые бусины. Кости овцы. — КМ (305, с. 80).
6. Косоголь. Поселение на берегу оз. Большой Косоголь, в месте впадения в него р. Серез. Зачистка стенок карьеров и сборы (Нащёкин, 1966 г.). Нижняя часть культурного слоя (толщ. 30-40 см) содержала черепки сосудов. — КМ (225, с. 165).

Чулымо-Енисейская котловина.

7. Ужур. Могильник в 2 км к ЮВ от ст. Ужур, на лев. берегу р. Каменка. Раскопано 10 больших и 8 малых оград (Членова, 1962 г.). Большие ограды круглые и 4-угольные, 5-10×4-8.5 м. Могилы — ямы и цисты, 145-260×115-180 см. В них по 1-2 скелета, СВ, ВСВ, ЗЮЗ, ЮЗ. В некоторых — остатки трупосожжения. Малые ограды, 2-2.9×1.8-2 м. В них ящики, 55-110×60-100 см, со скелетами детей. Инвентарь: 15 сосудов, шерстяной пояс, остатки шнурков, кожи, обломок серьги с раструбом, бусины, 16 астрагалов овцы. — ГИМ (ИА, р-1, д. 3808).
8. Орак I. Могильник у горы Красная, в 1.5 км к ВСВ от улуса Орак. 52 ограды. Раскопано 47 (Сосновский, 1925, 1927-1928 гг.; Грязнов, 1964 г.). Ограды круглые, диам. 3.5-10 м, и 4-угольные, 4-10×6-11 м. Две имели 3 и 5 пристроек. Могилы — ямы со срубам, цисты, ящики, 125-250×60-200 см. В них по 1-2 скелета, ЮЗ. 1 скелет на прав. боку, СВ; 2 скелета вытянуты на спине. В 3 могилах — трупосожжения. Инвентарь: более 50 сосудов, берестяной туесок, бронзовое шило, игла, костяной наконечник стрелы, остатки меховой обуви, вязаной шапочки, шерстяной плетёной тесьмы, серьги (1 с раструбом), бусины, нагрудные бляшки, 2 кучки астрагалов овцы. Над, могилами и в ограде — кости коровы,

овцы, косули, лошади. — ГЭ; МАЭ; МГУ; КМ (141; 202, с. 9).

9. Орак II. 2 ограды у горы Явал-Таг, в 1.5-2 км к ВЮВ от улуса Орак. Здесь же карасукский могильник (Сосновский, 1925-1928 гг.). Ограды, диам. 5-7 м. В них циста и яма, глуб. 2.75 см. В каждой по скелету, ЮЗ. Инвентарь: 2 сосуда. — ГЭ (141).

10. Орак III. Ограда в 1.5 км к ЮЗ от улуса Орак. Здесь же карасукский могильник (Сосновский, 1925-1928 гг.). В ограде ящик, 80×50 см, с костями ребёнка и черепки сосуда. — ГЭ (141).

11. Солёноозёрная I. Могильник в 6 км к С от д. Солёноозёрная, по дороге на с. Копьёво. Более 20 круглых и прямоугольных оград. Раскопано 2 ограды, 33 могилы, из них 21 детская (Нащёкин, 1964, 1966 гг.). Ящики и цисты взрослых, 160-320×120-320 см, глуб. до 100 см. Один покрыт окуневской стелой. В 2 могилах трупосожжения. Инвентарь: около 25 сосудов, остатки вязаной ткани, украшенной бронзовыми бусинами, 4 височных кольца, низка бус для обуви, кольцо на палец, пластинки, 40 астрагалов овцы. — КМ (ИА, р-1, д. 3077. 3743).

12. Солёноозёрная III. Могильник у 34-го км тракта из д. Солёноозёрная в с. Копьёво. 7 могил, из них 6 детских (Нащёкин, 1966 г.). Могилы — ящики, 50-60×60-100 см, и циста, 260×110×80 см. Инвентарь: 7 сосудов, остатки литейной формы, ткани, бусины, 2 височных кольца. — КМ (ИА, р-1, д. 3743).

13. Солёноозёрная IV. Могильник в 0.7-0.8 км от Солёноозёрной III. 2 круглые ограды с прямоугольными пристройками и много разрушенных. Раскопано 9 могил (Нащёкин, 1966, 1969 гг.). Могилы — 7 ящиков и 2 цисты, 170-230×100-170 см. В одной цисте парное захоронение, в другой — взрослого с ребёнком. 1 скелет на прав. боку, СВ. Инвентарь: 15 сосудов, бронзовая пуговица с остатками ремешка, 2 иглы, бусины, 3 височных кольца, остатки ткани. — КМ (ИА, р-1, д. 3743). [2]

14. Пристань. Могильник в 2 км к С от пристани бывш. с. Новосёлово. 4 ограды, 15 могил и 8 могил без оград (Теплоухов, 1923 г.; Комарова, 1962-1963 гг.). Ограды одиночные — круглые, диам. 5 м, и с пристройками. Могилы — ящики, цисты, ящики-цисты, 150-200×90-100 см. глуб. до 250-300 см. Два скелета на прав. боку. В, СВ. Инвентарь: 30 сосудов, берестяной туесок, деревянная бадейка с нитками и бронзовой иглой, остатки шерстяных головных уборов, кожаной обуви, украшенной бусинами, серый, бляшка, бусины. Кости овцы. — ГЭ; КМ [3] (202, с. 12-15).

15. Новосёлово. Могильник у ручья Полоска у бывш. с. Новосёлово (Грязнов, 1967 г.). 4 разрушенных ящика с костями людей и черепками сосуда. — ГЭ (202, с. 15).

16. Сухое Озеро I. Могильник на сев. берегу оз. Сухое, в 4 км от Енисея. 2 группы курганов, в количестве 60 и 6. Раскопано 39 курганов, 57 могил и культовое сооружение с захоронением черепа (Максименков, 1963-1964, 1968 гг.). Преобладают круглые ограды, диам. 4-11 м, 2 ограды диам. 30-33 м; есть прямоугольные и многоугольная. 5 имеют по 1-4 пристройки. Могилы взрослых — ящики, цисты, ящики-цисты, срубы, 140-270×100-200 см, глуб. до 200 см. 10 могил сооружены почти на поверхности. Плиты 2 ящиков имели прочерченные рисунки. Один ящик закрыт окуневской стелой. В нескольких могилах похоронено по 2-3 человека. Встречено положение на прав. боку, В, СВ. В 6 могилах остатки трупосожжения. Инвентарь: 42 сосуда, один закрыт деревянной крышкой, 2 бронзовые иглы, костяной игольник, золочёная серьга, бронзовое кольцо, бусины, бляшки, костяная подвеска, клык кабарги, обрывки шерстяной ткани, астрагалы овцы. Кости овцы, коровы, лошади, косули, барсуков, утки. — ГЭ (202, с. 15-31).

17. Сухое Озеро Ia. Детский могильник между оградями взрослых на могильнике Сухое Озеро I. 17 круглых, диам. 2-4 м, и квадратных оградок, 31 могила (Максименков, 1963-1964 гг.). В них ящики, 20-25×30-120×30-70 см, со скелетами детей, на лев. и прав. боку, ЮЗ, СВ, В. Инвентарь: 20 сосудов, бронзовая бляшка. — ГЭ (202, с. 31-34).

18. Новая Чёрная II. Могильник на лев. берегу Енисея, в 2 км к Ю от устья р. Черновая. 12 оград и пристроек, 15 могил (Максименков, 1965 г.). Ограды круглые, диам. 2.5-13 м, и 4-угольные, 4-7×5-7 м. Могилы — ящики, цисты, ящики-цисты, 120-230×100-130×80 см. Могилы пустые либо с обломками костей человека. В одной — скелет на спине, без черепа. Инвентарь: 3 сосуда, бусины. — ГЭ (202, с. 34-37).

19. Новая Чёрная III. Детский могильник в 0.3 км к С от Новой Чёрной II (Максименков, 1965 г.). 24 ямы, ящики, цисты, 60-100×30-50×30-50 см. Покрыты плитами. Скелеты младенцев ориентированы по-разному. Инвентарь: 19 сосудов. — ГЭ (202, с. 38-39).

20. Ключи. Остатки прямоугольного, 70×30 м, наземного сооружения близ оз. Сухое, на холме, в местности Ключи (Максименков, 1965-1966 гг.). Стенки из двух рядов вкопанных плит. В дерновом слое, 5-10 см толщ.,

(48/49)

черепки 30 сосудов, кости овцы, лошади, коровы, косули. В южной части — яма, диам. 120 см, глуб. 70 см, заполненная кусками песчаника. Стены выложены плитками. — ГЭ (202, с. 46-48).

21. Карасук V. Находки черепков сосудов на прав. берегу р. Карасук при раскопках неолитической стоянки (Комарова, 1962 г.). — (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1962, д. 64).

22. Батенёвская Протока. Поселение на лев. берегу Енисея, в 2 км к С от с. Батени. Площ. раскопа 4 м². Культурный слой на глуб. 50 см и каменный очаг диам. 70 см (Теплоухов, 1927 г.). Находки: черепки 50 сосудов, кости коровы, овцы, лошади, косули (Рахимов, 1962-1964 гг.). — ГЭ (202, с. 49-50).

23. Ярки I. 4 могилы на лев. берегу Енисея, в 1.2 км к СВ от с. Батени (Теплоухов, 1923-1924 гг.; Грязнов, 1962 г.). Ящики, 70-120×60-80 см. В них по скелету ребёнка, ЮЗ, СВ. Инвентарь: 4 сосуда. — ГЭ (202, с. 39).

24. Ярки II. Могильник на лев. берегу Енисея, в 0.8 км к ЮВ от Ярки I. 10 могил (Ермолаев, 1913 г.; Теплоухов, 1920-1929 г.; Грязнов, 1962 г.). Могилы — ящики и срубы. Инвентарь: 9 сосудов, 2 височных серебряных кольца. — ГЭ (202, с. 39-40).

Сыда-Ербинская котловина.

25. Каменка I. Могильник на прав. берегу Енисея, в 2 км к Ю от д. Байкалова, в логу Каменка. 7 оград, 14 могил, из них 7 детских (Грязнов, 1963 г.). 6 круглых оград, диам. 3-10 м, 1 прямоугольная, 8×7 м. Дети похоронены в ящиках, взрослые в срубах, цистах, ящиках-цистах, 140-220×90-110 см, глуб. до 220 см. 2 скелета на прав. боку. Инвентарь: 15 сосудов, берестяной туесок, остатки кожаной обуви и сумочки, украшенной бусинами, бронзовые бляшки (1 с медными гвоздиками), 4 височных кольца, 2 серебряные серьги, 2 низки бус, каменная подвеска. — ГЭ (202, с. 41-43).

26. Белоярск. Поселение на прав. берегу р. Сыда, у с. Белоярск (Гаврилова, 1955 г.; Рахимов, 1964 г.). Культурный слой на протяжении 40-50 м, на глуб. 25-50 см. Площ. раскопа 80 м². Подъёмный материал и находки в слое: черепки 85 сосудов, шило, проколка, обломок рогового стержня, бусина, кости овцы, коровы, лошади, козы, косули, сайги, гуся, рыбы. Здесь же — черепки карасукских сосудов и 2 зарытых в землю крупных сосуда с ёлочным орнаментом. — ГЭ (257; 202, с. 51).

27. Сыда IV. Поселение на прав. берегу р. Сыда, в 1 км к З от бывш. с. Сыда. Площ. раскопа 48 м² (Грязнов, 1965, 1968 гг.). Культурный слой содержал: 50 черепков сосудов, изделия из метаподий лошади, кости животных. Подъёмный материал: 40 черепков сосудов. — ГЭ (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1965, д. 132, л. 94; 1968, д. 72, л. 145-147).

28. Ланин Лог. Могильник на лев. берегу р. Сыда, около устья лога. 18 курганов. Раскопано 2 кургана, 5 оград, 6 могил (Рахимов, 1964 г.). Ограды круглые, диам. 5-7 м. Могилы — ямы со срубами, 145-270×105-150 см, глуб. 110-320 см, и ящик, 130×70×35 см. В 4 срубах остатки трупосожжения. В двух могилах скелеты детей, на прав. боку, ЮЗ, В. Инвентарь: 6 сосудов, подвеска в виде миниатюрного топора. — ГЭ (257, с. 71-73).

29. Усть-Ерба. Могильник на прав. берегу р. Ерба, под сев. склоном горы Корова. 3 ограды, 8 могил (Киселёв, 1931 г.). Ограды круглые, диам. 4.5-6.5 м. Могилы — ящики, цисты, ящики-цисты, 140-194×70-120×70-100 см. В одном остатки трупосожжения. Инвентарь: 8 сосудов, костяной наконечник стрелы, игольник, пластинка, 45 бусин, кусочек плетёной ткани. Кости коровы, овцы. — ГИМ (127).

Минусинская котловина.

30. Устье Бири. Разрушенный могильник на прав. берегу устья р. Биря. 28 могил (Леонтьев, 1982-1983 гг.). Могилы взрослых — цисты, ящики-цисты, срубы; детские — ящики. Одна необычная — овальная яма, обставленная по стенам вертикальными брёвнами. Одна могила закрыта окуневской стелой. Встречены остатки трупосожжения. В двух могилах по два погребённых: 2 скелета взрослых; женщина и пепел второго

человека. Инвентарь: более 30 сосудов, 2 бронзовые серьги, низка бус. — ММ (ММ, оп. 1, д. 853, 866).

31. Лебяжье I. Могильник на прав. берегу Енисея, в 1.5 км к СЗ от горы Туран. 17 могил, из них 7 детских (Вадецкая, 1975-1976 гг.). Ограды круглые, диам. 1.5-6 м. Взрослые похоронены в цистах, 150-220× 80-125 см. Дети в ящиках, 50×30 см. В 2 цистах по 2 скелета, один на прав. боку, 3. Около 2 оград сложены 3 кучки черепов и нижних челюстей лошадей. Инвентарь: 9 сосудов, игла, 5 серег, височное кольцо, 6 низок бус. Кости коровы, козы, овцы. — АМ (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1975, кп 1949, л. 5-9; 1976, кп 2022, л. 6-9; ИА, р-1, д. 6033, 6164).

32. Лебяжье V. 2 цисты на прав. берегу Енисея, у с. Лебяжье (Вадецкая, 1975 г.). В них 3 сосуда. — АМ (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1975, кп 1949, л. 9-10; ИА, р-1, д. 6033).

33. Тепсей IV. 2 могилы на прав. берегу Енисея, у горы Тепсей (Грязнов, 1966 г.). Одна в ограде диам. 4.5 м. Ящики, 100-150× (49/50)

×60-90 см. В них кости женщины и скелет ребёнка на прав. боку, СВ. Инвентарь: сосуд, бусины. — ГЭ (145, с. 29).

34. Мохов III. Могила в 0.3-0.4 км к Ю от с. Мохово, у устья р. Биджа (Леонтьев, 1967 г.). Циста, 170×90×50 см, со скелетами взрослого и младенца. Инвентарь: сосуд, остатки деревянной чаши, 2 низки бус (90 шт.). — ММ (202, с. 44).

35. Мохов IV. Могила в 4 км к С от с. Мохово, на современном кладбище (Вадецкая, 1969 г.). Ящик, 80×60×20 см, с обломками сосуда. — ГЭ (202, с. 44).

36. Подкунинский. Могильник близ улуса Подкунинский. 10 оград. Раскопано 6 оград, 6 могил (Левашева, 1930, 1931 гг.). Ограды круглые, диам. 6-10 м. Могилы — ящик, цисты и срубы, 250-300×160-210 см, глуб. до 250 см. В одном 3 скелета, встречено положение на прав. боку, СВ. В 3 могилах остатки трупосожжения. Инвентарь: 2 сосуда. Кости коровы в ограде. — ГЭ; ММ (202, с. 45).

[1] Указываются: необычная или разная поза погребённых, случаи захоронения более одного человека в могиле, а также наличие остатков сожжённого на стороне трупа (трупосожжения). В других случаях следует понимать, что похоронен 1 человек, в скорченном положении, на левом боку, головой на ЮЗ.

[2] Сведения о раскопках 1969 г. взяты по личному отчёту Н.В. Нащокина, не поступившему в архивы.

[3] Помимо перечисленного, 10 сосудов и 11 черепков собраны из разрушенных могил и переданы в КМ И.А. Пикулевичем и С.М. Сергеевым в 1916 г. — КМ, инв. №101.